

Калейдоскопически одновременные вознесения и заземления — существенная особенность «*Большого сочинения*» *Роджера Бэкона*. Глубоко послушническое основание, укорененное в незапятнанной раннехристианской традиции, восходящей к *Августину*, и рядом... демиургические телесно-языческие следствия рукотворно усовершенствуемого мира.

ТЕПЕРЬ, если вновь обратиться к современной *роджер-бэconiане*, можно сказать, что тексты *Бэкона* дают серьезные основания и для тех, кто ищет (и находит!) в *Роджере Френсиса*, и для тех, кто ищет (и тоже находит!) в том же самом *Роджере святого Франциска*. И то верно, и это верно; но вместе с тем не верно ни то ни другое. Верен только сам *Роджер Бэкон*, не сводимый к заданным историографическим символам; амбивалентно неповторимый и только потому по-настоящему типичский.

Личность *Роджера Бэкона* двоятся: творец-демиург, он и сам тварь божья; богоравный еретик, но и тишайший послушник. Монах-францисканец и демонический алхимик — вместе, слитно. Един в двух лицах. Двулик в одном. Но... целостен и не разываем как историческая реальность — Человек средних веков. Демиургическая штучная опытность мировидения *Оксфордской школы* и алхимическая инокультурность, соединившая эту опытность со схоластическим опытом над словом, слиты в одном человеке. Диалог периферийной алхимии с магистральным христианством в замкнутом мире средневековой культуры осуществлен в одном человеке, став монологом, помнящим, однако, о своей диалогической природе. Здесь читатель должен вспомнить о двух вещах: о паракультурной природе алхимии, пародирующей каноническое христианское послушание; об алхимических студиях *францисканца, брата Роджера*. Это и составляет содержание высказываний второго, инокультурного, собеседника — *Роджера Бэкона*, беседующего с *Роджером Бэконом* — мыслителем средних веков. *Двуликий Янус*. Вертикальная почти симметрия средневековой культуры, творческой личности, живущей в этой культуре и ее выражающей в большей целостности, нежели это могли сделать «частичные» деятели в составе той же культуры, даже рядом поставленные.

Кто же такой *Роджер Бэкон*? Подвижник опыта штучного, конкретного; инженерный, изобретательский ум. Теологические основания этого опыта, глубоко ортодоксальные его основания — дело десятое. Они — лишь фон, хотя совершенно обязательный фон. *Бэкону* — философу эмпирического опыта, они, эти основания, без надобности. Не они — сфера прямого приложения его интеллектуальных усилий. Опыт, и только он. Именно в этом инокультурный, почти нововременный пафос деятельности этого удивительного мыслителя. Два десятка лет заточения — расправа не за ересь (еретиком в полном смысле он и не был) — за инокультурность. Правда, инокультурность эта — принципиально средневековая инокультурность (за ней — «*Священное писание*» во всей своей незамутненной и незащищенной чистоте). Именно поэтому инокультурное бы-